

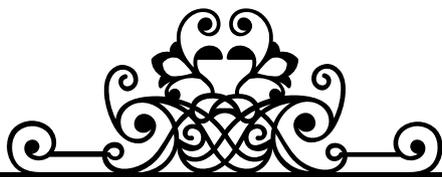

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ.

Тайна жизни и смерти последнего Рюриковича	5
Часть первая. СПАСЕННЫЙ ЦАРЕВИЧ	7
I. Незаконнорожденный	7
II. Угличский царевич	15
III. Правление Годунова	33
IV. Неведомый кто-то	37
V. Три Дмитрия.....	47
VI. Лжедмитрий или Дмитрий?.....	62
VII. Политика, любовь и вера	82
VIII. Москва стоит мессы	91
IX. Последние приготовления	106
X. Победы и поражения	113
XI. Путь свободен.....	130
Часть вторая. ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ.....	148
I. Въезд в Москву	148
II. Воцарение	163
III. Щедроты и долги.....	170
IV. Сватовство	190
V. Троны качаются	197
VI. Приезд Марины.....	204
VII. Бракосочетание	224
VIII. Последние дни	233
IX. Смерть	246
МАРИНА МНИШЕК. Исторический очерк.....	267
Глава 1. ТЕНЬ ДМИТРИЯ.....	268
Глава 2. ЖИВ ИЛИ НЕ ЖИВ?.....	276

Глава 3. ОСВОБОЖДЕНИЕ.....	283
Глава 4. ВСТРЕЧА В ТУШИНЕ.....	286
Глава 5. ТУШИНСКАЯ ЦАРИЦА	298
Глава 6. РАЗВАЛ В ТУШИНЕ	305
Глава 7. КРУШЕНИЕ	318
Глава 8. ПАНИ ЗАРУЦКАЯ.....	334
Глава 9. КОНЕЦ МАРИНЫ.....	349

ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ

Тайна жизни и смерти
последнего Рюриковича

20 июня 1605 года, с раннего утра, москвичи и пришлый люд толпились на улицах, ведущих из Кремля в Коломенское. Кровли домов и церквей, деревья, колокольни, башни и стены были усыпаны народом. Ждали приезда того, кто десять дней назад в грамоте, зачитанной на Лобном месте его гонцами, объявил москвичам о забвении прошлых вин и подписался: «Мы, пресветлейший и непобедимейший монарх, Димитрий Иванович, Божьей милостью Император и Великий Князь всея Руси и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей Государь и Царь».

Ровно в полдень показалось торжественное и пышное шествие, растянувшееся на несколько верст. Впереди ехали польские латники, в крылатых шлемах и блестящих панцирях. Примкнувшие к ним польские музыканты играли на трубах, литаврах и барабанах. За ними шли полки стрельцов, медленно катились царские кареты, заложённые шестернями, и праздничные кареты бояр. Следом, окружённый толпой бояр и окольничих, на белом коне, в великолепном платье и дорогом оплечье ехал сам царь.

Под звон всех московских колоколов толпа падала ниц и кричала:

– Здравствуй, отец наш, государь и великий князь Дмитрий Иванович! Сияй и красуйся, солнце России!

Новый царь отвечал:

– Дай Бог вам тоже здоровья и благополучия. Встаньте и молитесь за меня!

Доехав до Красной площади, царь слез с коня и направился в Архангельский собор, чтобы помолиться у гроба своих предков. Небольшого роста, коренастый, с круглым безбородым лицом и пронизательным взглядом маленьких глаз, он приветливо кланялся расступавшемуся перед ним народу. Отовсюду слышались крики: «То истинный Дмитрий!»

А спустя одиннадцать месяцев, в ночь на 18 мая 1606 года, покалеченный и окровавленный, он лежал на полу в своем дворце и на настойчивый вопрос склонившихся над ним бояр и стрельцов: «Кто ты таков, злодей?» – отвечал: «Вы знаете: я Дмитрий, несите меня к моему народу». Мушкетный выстрел прекратил его мучения.

Толпа три дня ругалась над его телом – плевала, колола ножами... Чья-то рука положила на лицо убитого маску – символ его удивительной судьбы.

Часть первая

СПАСЕННЫЙ ЦАРЕВИЧ

«... Никто не увенчивается,
если не пострадает».

Житие святого мученика Уара

I. Незаконнорожденный

Осенью 1580 года, в разгар Ливонской войны, грозный царь Иван Васильевич шумно отпраздновал в Александровской слободе свою восьмую свадьбу. На этот раз его супругой стала Мария, дочь боярина Федора Федоровича Нагого. В храме, где происходило венчание, не было ни митрополита, ни епископов. Литургию служил поп Никита, государев любимец из опричников, поставленный в священники Спасо-Преображенского собора по желанию Ивана Васильевича; он же и повенчал молодых.

Молчаливое попустительство церкви столь вопиющему нарушению ее уставов уже давно стало обычным делом. Когда после внезапной смерти третьей жены Марфы Васильевны Собакиной царь решил учинить дотоле неслыханное на Руси беззаконие, взяв себе четвертую супругу, Анну Алексеевну Колтовскую, он еще озаботился тем, чтобы получить святительское благословение этого брака. На церковном соборе Иван Васильевич жаловался духовенству, что злые люди чародейством извели его первую супругу Анастасию, отравили вторую, черкасскую княжну Марию Темрюковну, погубили третью; что в отчаянии, в горести он хотел посвятить себя житию иноческому, но видя жалкую младость

сыновей и государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак, так как жить в мире без жены соблазнительно, и ныне, припадая с умилением, просит святителей о разрешении и благословении. Собор, возглавляемый новгородским архиепископом Леонидом, пошел на откровенную сделку с царем. Ради «теплого, умильного покаяния» государева решили утвердить брак, наложив на царя епитимью, а чтобы беззаконие царя не было соблазном для народа, пригрозили анафемой всякому, кто подобно государю дерзнет взять четвертую жену. Через год Иван Васильевич сослал надоевшую супругу в монастырь; главного своего пособника в этой женитьбе, архиепископа Леонида, вскоре приказал зашить в медвежью шкуру и затравить собаками, после чего, уже не советуясь с духовенством, разрешил сам себе еще несколько супружеств. Пятая жена Мария Долгорукова не сохранила для царя девственность и была утоплена; шестая и седьмая — Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева — исчезли неизвестно куда.

Все на этой свадьбе было так же, как бывало и на предыдущих свадьбах царя, — визжали дудки, гнусаво блеяли рожки, тупо позвякивали бубенцы на бубнах, гости объедались диковинными блюдами — жареными лебедями, сахарными кремлями, мясом во всех видах, выпеченными из теста оленями, утками, единорогами, опивались дорогими винами, развязно шутили, орали пьяные песни. Необычно было лишь распределение свадебных чинов. За один стол с Иваном Васильевичем и Марией Федоровной уселись: посаженный отец царя его младший сын Федор, царский дружка князь Василий Иванович Шуйский, посаженная мать невесты Ирина Федоровна, жена царевича Федора, и царицын дружка — окольничий боярин и кравчий Борис Федорович Годунов, брат Ирины.

В тот день никто из присутствовавших на свадьбе не мог и предположить, что рядом с царской четой сидели те, кому в будущем суждено было, вопреки их происхождению и положению, наследовать московский престол. Судьба уже незаметно связала их судьбы, и с этого неприметного узелка начался отсчет Смутного времени.

Свадьба лишь ненадолго отвлекла царя от черных дум. Иван Васильевич пребывал в оцепенении, вызванном воен-

ными успехами поляков и шведов. Ливонская война близилась к своему бесславному концу. Шведский генерал Делагарди взял Нарву, вырезав в ней несколько тысяч жителей, овладел Корелюю, берегами Ижоры, городами Ямом и Копорьем. Войска Стефана Батория брали в Ливонии и в самой России город за городом; Радзивилл, сын виленского воеводы, совершил набег на берега Волги и дошел до Ржева. Успехи воеводы Ивана Петровича Шуйского, отстоявшего Псков и тревожившего войско Батория смелыми вылазками, не могли вернуть грозному царю былого мужества и веры в непобедимость своего оружия. «Ты довольно почувствовал нашу силу; даст Бог, почувствуешь еще!» — гордо писал ему Баторий и насмеялся: «Курица защищает от орла и ястреба своих птенцов, а ты, орел двуглавый, от нас прячешься... Жалеешь ли крови христианской? Назначь время и место; явись на коне и сразись со мной один на один, да правого увенчает Бог победой!» Ему вторил Курбский: «Вот ты потерял Полоцк с епископом, клиром, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобой, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!» Так оно и было. Иван Васильевич страшился измены и боялся посылать войско навстречу врагам; был уверен, что воеводы схватят его самого и выдадут Баторию.

Вскоре после свадьбы в Александровской слободе возобновились оргии, со скоморохами, девками и казнями. Иван Васильевич тяжело напивался вином, стараясь заглушить в себе страх и стыд за свое унижение. Он совсем охладел к своей новой супруге. Красота Марии не могла надолго прельстить пресытившегося царя, похвалявшегося тем, что он за свою жизнь растлил тысячу дев. Сохранилось известие, что он женился на ней лишь для того, чтобы успокоить царевича Ивана и ближних бояр, раздраженных его намерением добиваться руки английской королевы Елизаветы. Стараясь, Иван Васильевич начинал побаиваться старшего сына и порой ненавидел его, может быть, потому что видел в нем себя. Участник — поначалу невольный — всех отцовских оргий и казней, царевич Иван платил царю тем же, все чаще заглушая страх перед родителем своеволием и дерзостью.

В ноябре 1581 года противостояние отца и сына разрешилось злополучным ударом острого железного посоха (наши летописцы сообщают, что при этом пострадал и Борис Годунов, пытавшийся заступиться за царевича). Через четыре дня Иван скончался. Осталось неизвестным, был ли повинен Грозный в убийстве своего сына или, как сообщал членам Думы сам царь, смерть наступила от некоей тяжелой болезни, которой царевич Иван страдал в эти дни. Достоверно лишь то, что гибель наследника надломил царя. Неподвижно сидел он у тела сына те трое суток, пока шли приготовления к погребению... Родные, духовные, окольные, подходившие к нему с увещеваниями и утешениями, не могли добиться от него ни слова. В Архангельском соборе, куда из Александровской слободы на руках принесли гроб с телом царевича, царь, в одной черной ризе, прикинув к гробу, прорыдал всю службу и отпевание, и потом, после погребения, с тоскливым звериным воем долго бился о землю...

Возвратившись в Александровскую слободу, Иван Васильевич на некоторое время уединился ото всех. Окольные, дежурившие у дверей его покоев, целыми днями слышали доносившиеся оттуда всхлипывания, молитвы и глухие выкрики, словно царь разговаривал с кем-то, требовавшим от него ответа. Но особенно жутко было ночью, когда Иван Васильевич вдруг вскрикивал, падал с ложа и катался по полу, стеная и вопя; изнуренный, он утихал лишь под утро, забываясь в минутном сне на сломенном тюфяке, который клали для него на полу возле ложа.

Но вот однажды он появился в боярской думе — иставший, желтый, щуривший воспаленные глаза. В мертвой тишине торжественно объявил, что слагает с себя Мономахов венец и постригается в монахи, чтобы кончить дни в покаянии и молитве, в надежде на одно милосердие Господне; бояре же должны выбрать промеж себя достойного государя, которому он немедленно вручит державу и сдаст царство.

Нашлись такие, которые были готовы поверить в искренность царя. Однако большинство бояр, благоразумно опасаясь, что в случае их согласия у царя вдруг может исчезнуть влечение к схиме, принялись умолять его не идти в монастырь, по крайней мере до окончания войны. Иван Василье-

вич с видимым неудовольствием согласился продлить попечение о государстве и людишках, ему Богом врученных. Но в знак своей скорби он отослал в кремлевскую сокровищницу корону, скипетр и пышные царские облачения. Двор вместе с царем оделся в траур и отрастил волосы в знак покаяния. Иван Васильевич ежедневно служил панихиды. Каялся. Слал богатые дары на Восток, патриархам — в Константинополь, Антиохию, Александрию, Иерусалим, — чтобы молились об упокоении души его сына. Усиленно припоминал всех казненных и замученных им людей, вписывал их имена в синодики. О тех, кого не мог вспомнить, писал просто: «Они же тебе, Господи, ведомы!»

Вероятно, под влиянием покаянного настроения он примирился и с Марией. В феврале 1582 года, на втором году своего брака, она почувствовала себя беременной.

К концу зимы царь, усердно молясь за упокоение душ других, наконец успокоился и сам. Вспомнив о Ливонии, которой он так добивался и которая ускользнула из его рук, приказал привести в Александровскую слободу ливонских пленников и пустил на них медведей. На изрытом снегу двора звери рвали людей на куски, а он, стоя у окна, упивался их муками. Были казнены и русские ратники, вернувшиеся из польского плена. Новгородского митрополита царь заточил в темницу, обвинив в измене, мужеложестве и содержании ведьм; одиннадцать его доверенных слуг были повешены на воротах его двора в Москве, а ведьмы четвертованы и сожжены. Прежние любимцы — боярин Никита Романович, брат первой жены царя Анастасии, и дьяк Андрей Щелкалов — подверглись опале и были обобраны до нитки. В промежутках между казнями во дворце гремели пиры. Царь гнал от себя людей, неспособных веселиться беспрерывно. Но прежняя выносливость покинула Ивана Васильевича. Ему случалось засыпать среди всеобщего разгула. Он стал забывать имена своих любимцев, иногда называл Бельского Басмановым, удивлялся, что за столом нет Вяземского, казненного много лет назад.

Как-то в боярском совете он громко поинтересовался, почему так долго не видит подле себя Годунова. Федор Федорович Нагой, обрадовавшись случаю напомнить о себе и заодно очернить окольничего в глазах царя, сказал, что

Годунов сидит дома, досадуя и злобясь на государя за полученные увечья. Иван Васильевич, скучавший по веселому и услужливому любимцу и чувствовавший свою вину перед ним, сам поехал на дом к Годунову узнать истину. Борис, встретивший царя в постели, в исподнем, показал ему свои раны. Их неоднократно прижигали, но некоторые из них еще гноились. Иван Васильевич обнял больного, умолял простить его. Потом поинтересовался, как зовут целителя, который так искусно прижег раны Годунова. Узнав, что это купец Строганов, в знак особенной милости пожаловал ему право называться полным отчеством, как именитые мужи, и велел в тот же день сделать прижигания на груди и боках своего тестя, клеветника.

Издательство над Нагим было вызвано, видимо, новой вспышкой ненависти царя к Марии. Беременная супруга окончательно опостылела ему. Иван Васильевич возобновил проекты брачного союза с английским королевским домом. В августе 1582 года он послал в Лондон дворянина Федора Писемского обговорить условия его брака с Мэри Гастингс, племянницей королевы Елизаветы. О Марии Писемскому велено было сказать, что хотя у царя и есть жена, но она не какая-нибудь царица, а простая подданная, не угодна ему и ради королевиной племянницы можно ее и прогнать.

Осенью двор переехал в Москву. Здесь 19 октября, в день памяти святого мученика Уара, Мария родила мальчика, нареченного при крещении Дмитрием. Возможно, имя для сына было выбрано ею в честь одного из своих предков. Нагие происходили из Дании. Их родоначальник Ольгерд Прега, в крещении Дмитрий, в 1294 году выехал из Дании к великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому, и был у него в боярах. Восприемником царевича был выбран князь Иван Федорович Мстиславский, потомок древних князей литовских, породнившихся с царствующим домом.

Зимой 1584 года стало ясно, что девятый брак царя не состоится. Писемский писал из Лондона, что племянница королевы больна оспой и притом не хочет переменять веры. У Марии, ежеминутно ожидавшей разлуки с сыном и пострижения в монастырь, отлегло от сердца. Но ее будущее по-прежнему представлялось неясным.

В январе Иван Васильевич заболел: у него распухли половые органы, внутренности гнили, тело царя издавало от-

вратительный смрад. Два месяца страшной болезни, которую врачи затруднялись определить, хотя усматривали ее причину в прежней развратной жизни и необузданных страстях царя, превратили его в дряхлого старика. Однако никогда еще он так сильно не хотел жить. Отчаявшись в искусстве иноземных врачей, он раздавал щедрые милостыни монастырям, искал спасения в ведовстве знахарей и знахарок, которых по его приказу привозили в Москву с далекого севера... Он то готовился к благочестивой кончине, каясь и выпуская из темниц заключенных, то, прогнав духовных, лютовал и распутничал, словно старался смертями и зачатиями утвердить собственную жизнь. Говорили, что однажды, распался похотью, он набросился даже на свою невестку Ирину Федоровну, пришедшую к нему с утешениями.

В половине марта ему стало хуже. Царь едва мог ходить и его носили в кресле. Ежедневно он приказывал нести себя в сокровищницу, где в присутствии бояр и царевича Федора хвалился ученостью перед представителем английской торговой компании Джеромом Горсеем, раскрывая ему таинственное достоинство каждого драгоценного камня: «Вот прекрасные коралл и бирюза, возьмите их в руку. Их природный цвет остался ярким. А теперь положите их на мою ладонь. Я отравлен болезнью; вы видите, они изменили цвет из чистого в тусклый. Они предсказывают мою смерть.» Указывал на изумруд: «Этот произошел от радуги, он враг нечистоты». Брал в руки рубин, любовался им на свет: «О! Этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, он очищает сгущенную и испорченную кровь». Ласкал сапфир: «Я особенно люблю его, он сохраняет и усиливает мужество, веселит сердце, приятен всем чувствам, особенно полезен глазам, очищает взгляд, кроме того укрепляет мускулы и нервы. Все эти камни — чудесные дары Божьи, они — друзья красоты и добродетели и враги порока». Почувствовав дурноту, приказывал нести себя на воздух и там принимался уверять всех, что будет жить еще долго. Бояре, стараясь не смотреть на его волдыри и не морщиться от нестерпимой вони, поддакивали ему и на чем свет стоит честили иноземных докторов, невежд и обманщиков.

Возле умирающего царя сцепились Годунов и Бельский. По их наущению Иван Васильевич каждый день составлял

и менял завещания. Бельский настраивал его вручить управление государством в руки австрийского эрцгерцога Эрнеста, которого царь некогда хотел сделать польским королем. Кравчий оказался ловчее: добился передачи престола Федору и назначения при нем опекунского совета, куда вошел он сам, Бельский, боярин Никита Романович Захарьин и князя Иван Федорович Мстиславский и Иван Петрович Шуйский. Дмитрию с матерью царь назначил в удел Углич; воспитание царевича вверил Бельскому.

Это последнее завещание было подписано 15 мая. До кончины царя оставалось всего двое суток. За это время Бельский, позабыв про австрийского эрцгерцога, подбил Нагих — отца, братьев и дядей царицы — совместно добиваться престола для Дмитрия. То, что полуторогодовалый царевич по канонам церкви считался незаконнорожденным, не смущало их — все-таки он был природный государь, плоть от плоти грозного царя. Неизвестно, одобряла ли Мария планы заговорщиков; скорее всего ее и не спрашивали о согласии. Не исключено, что Бельский имел более далекие виды на будущее. Возможно, что, используя имя Дмитрия, он надеялся снять Мономахов венец с головы Федора, чтобы потом возложить его на себя, женившись на Марии.

17 марта Иван Васильевич почувствовал себя лучше. Повеселел, возобновил занятия государственными делами. Около трех часов пошел в баню, с удовольствием мылся, тешился любимыми песнями. Освеженный, накинул на себя широкий халат и, усадив рядом с собой Бельского, велел подать шахматы. Принесли доску и два ларца с фигурами. Иван Васильевич опустил руку в свой ларец, вынул первую попавшуюся фигуру. Это был король. Царь хотел уверенным движением поставить его на положенное место — и не смог. Клеток на доске вдруг стало слишком много, они плыли, мигали, меняли цвета... Невыносимая боль в груди и мгновенный приступ удушья погрузили все в темноту. Король с глухим стуком упал на доску.

Еще по двору сломя голову бегали слуги, посланные кто за водкой, кто за розовой водой, еще врачи растирали бездыханное тело царя своими снадобьями, еще митрополит Дионисий наскоро совершал над ним обряд пострижения, — а Бельский уже приказал верным ему стрельцам закрыть

ворота Кремля и принялся убеждать опекунов передать скипетр и державу Дмитрию.

Тем временем ударили в колокол за исход души. Москвичи бросились в Кремль. Найдя ворота закрытыми, заволновались. Послышались крики, что Бельский извел великого государя и теперь хочет умертвить царевича Федора. Там и тут над головами людей уже колыхались бердыши, мушкетеры, дреколье. Всем миром вытребовали из Кремля народного любимца Никиту Романовича и под охраной отвели его домой. Потом откуда-то появились пушки. Их поставили напротив Фроловских (Спасских) ворот и стали стрелять. Бельский пошел на мировую. Спустя некоторое время стрельцы со стен крикнули, чтобы прекратили огонь. Ворота открылись, Годунов, Мстиславский, Шуйский и дьяки Щелкаловы вышли к народу. Они заверили горожан, что царевич и бояре целы, а Бельский повинился в измене и будет сослан воеводой в Нижний Новгород. Волнение мало-помалу улеглось.

Той же ночью Марию с сыном, ее отца, братьев и дядей выслали в Углич. Для приличия дали прислугу, стольников, стряпчих, детей боярских и почетный конвой — двести стрельцов. Всадники, подводы, телеги, кареты тронулись в темноту. Щелкали кнуты, ржали лошади; факелы бросали багряный отсвет на рыхлый снег, разваливавшийся под полозьями. Передают, будто Федор подошел к карете, в которой сидела Мария с Дмитрием.

— Езжай, братец мой с Богом, — прошептал он, склонившись над младенцем. — Вот вырастешь, тогда поступишь тебе отцовским престолом, а сам в тишости пребуду...

II. Угличский царевич

Углич стоит на Волге, на обоих берегах. В XVI веке места здесь были пустынные, дикие. Вокруг — непролазные дебри, топи, заводи в ольхе и тростниках, столетние сосны и ели, валуны, вросшие в мох. Тонким голосом поет невидимый гнус, лоси и вепри с трудом продираются сквозь колтуны еловых ветвей. Для разбоя лучшего места не найти. Для спасения души тоже. Раньше, пока казанцев не усмирили, от татар житья не было. Казаки, поднимавшиеся по Волге на лодках, также своего не упускали, даром, что

православные. После присоединения Казани на реке стало спокойно, миряне богатели торговлей, за городом множились тихие обитатели.

Сами угличане были не прочь потягаться древностью с Ростовом Великим: собственная угличская летопись сохранила предание о жившем здесь некоем Яне, приходившемся княгине Ольге не то братом, не то более дальней родней. По его имени и город долгое время носил название Яново поле, а потом стал называться Угличе поле — якобы от угла, который образует здесь Волга, круто поворачивая с севера на запад.

Углич — город самостоятельный. Все здесь свое — своя летопись, свой святой, свои князья. Последний удельный город в Московском государстве. Угличане привыкли, что ими владеют великие князья, братья московских государей. За своего господина стояли крепко, не щадя живота. Еще не так давно покушались вызволить из неволи Ивана и Дмитрия Андреевичей, племянников Ивана III Васильевича, которых он заточил в монастыре. Тогда государь в гневе рассеял многих угличан по другим городам. С тех пор Углич жил мирно. Последним угличским князем был Юрий Васильевич, брат грозного царя, поэтому опричный разгром и опалы город счастливо миновали.

Нового князя угличане приняли с радостью. Уже издали Мария увидела вышедшую из города навстречу поезду нарядную толпу горожан, духовенство, кресты, хоругви. Священнослужители говорили приветственные речи. Народ ликовавал и падал ниц перед царской каретой.

В Преображенском соборе она долго молилась у гроба с мощами святого князя Романа Угличского. Потом поехала во дворец. Бродила по холодным, пустым каменным палатам, подыскивая, в какой комнате остановиться. Наконец выбрала самые дальние покои и уединилась в них с Дмитрием.

Тело Ивана Васильевича похоронили в Архангельском соборе рядом с могилой его старшего сына. Москвичи долго не могли свыкнуться с мыслью, что грозного царя нет в живых. Проходившие мимо собора люди крестились и молились, чтобы он как-нибудь не воскрес.

Как Годунов не спешил с венчанием Федора, церемонии пришлось отложить ради шестинедельного моления

об усопшем государе. По истечении этого срока именитые мужи, съехавшиеся в Москву изо всех городов, от имени всей земли подали Федору челобитную и просили быть царем. Федор дал согласие. Венчание состоялось 31 мая.

На рассвете этого дня над Москвой разразилась ужасная буря. Ветер срывал крыши домов, по небу растекались белые струи молний, раскаты грома гремели, не умолкая, как будто по небесной тверди из конца в конец катался какой-то огромный, грохочущий шар; проливной дождь в считанные минуты затопил улицы. Народ воспринял непогоду, как предзнаменование грядущих бедствий, и даже когда буря утихла, боялся покидать свои дома. Но ближе к полудню небо прояснилось, и по звону колоколов бесчисленные толпы отовсюду начали стекаться к Кремлю. Было так тесно, что стрельцы едва смогли расчистить путь для духовника Федора, который вышел из царских палат, чтобы перенести в Успенский собор *Мономахову святыню*: животворящий крест, венец и бармы. Годунов, величественно вышагивавший за духовником со скипетром в вытянутых руках, был великолепен в своем вышитом золотом одеянии, сиявшем алмазами, яхонтами и жемчугом необыкновенных размеров. Это был и его день.

Но вот на дворцовом крыльце появился Федор, окруженный боярами, князьями, воеводами, архиереями, дьяками. Огромное людское море мгновенно затихло, с благоговением разглядывая государя. На Федоре было платье небесно-голубого цвета; одежды сопровождавших его вельмож были золотые, с красными и серебряными оттенками. В полной тишине царь нетвердой походкой прошел в переполненный собор. Во время молебна окольные и епископы ходили по храму и тихо приказывали народу благоговеть и молиться. Затем митрополит Дионисий приступил к обряду венчания. Возложив на Федора Мономахов крест, венец и бармы, он взял его за руку, поставил на особое, царское место и вручил длинный скипетр из китового зуба. Архидиакон на амвоне, священники в алтаре и хор на клиросе торжественно и звучно провозгласили царю многие лета.

Федор выглядел немного испуганным, растерянно улыбался. К концу краткой напутственной речи митрополита Дионисия он выглядел уже настолько утомленным, что

его поспешили усадить на трон, поставленный на амвоне. Во время литургии Федор смотрел бессмысленным взглядом на короны завоеванных Москвой царств, по обычаю лежавшие у подножия трона, и то и дело поворачивался к стоявшим у него за спиной Годунову и Никите Романовичу, словно вопрошая их, когда его наконец оставят в покое.

Пиршества, принятие присяги, целование царской руки, раздача должностей, привилегий и милостыни — все это продолжалось целую неделю. Торжества закончились на восьмой день за городом — на просторном лугу, где сто семьдесят медных пушек палили в честь государя несколько часов подряд.

После праздников дворец погрузился в благостную, ничем не возмущаемую тишину. Природа словно погасила в Федоре все страсти, бушевавшие в неистовой натуре его отца. На опухлом лице царя все время играла ласковая, но жалкая улыбка; фамильный ястребиный нос не в силах был придать его лицу наследственное выражение свирепой жестокости, столь характерное для его отца и старшего брата. Да и вообще, в отличие от них, жизнь Федора представляла собой нравственно — бытовой образец жизни древнерусского государя. Обыкновенно Федор вставал в четыре часа утра; неспешно одевался. Посылал за духовником, который являлся с большим крестом и с иконой святого, память которого праздновалась в тот день по святцам. Федор сейчас же становился на молитву перед принесенной иконой, а духовник выходил и возвращался через четверть часа с чашей святой воды и кропилом.

Окончив молитву, царь шел к супруге, Ирине Федоровне. Вместе с ней стоял на заутрене. Потом принимал окольных и духовных. К девяти часам начинал ерзать на троне, с нетерпением ожидая, когда можно будет пойти звонить к обедне (это было одно из любимейших занятий Федора; Иван Васильевич при жизни с горечью говорил, что он больше похож на пономарского, чем на царского сына). В церкви думные бояре шумно спорили о государственных делах, замолкая на время, чтобы справиться о мнении государя. Федор ласково смотрел на них. Молчал. Перебирал четки. Суетные люди! Все как-нибудь устроится Божиим судом.

В одиннадцать царь обедал, строго соблюдая постные дни. После обеда два-три часа спал. Слушал вечерню. Перед

сном снова виделся с Ириной. Ему нравился ее смех, нравилось, что она, будучи умнее его, хохотала вместе с ним над балагурством шутом и кувырканием карликов. Он любил показывать и дарить ей иконы в роскошных окладах, изделия своих золотых и серебряных дел мастеров. В эти минуты она без труда добивалась от него распоряжений, выгодных ее брату, Борису.

По большим праздникам Федор уступал просьбам придворных и присутствовал на кулачных боях или играх с медведями. Эти развлечения были ему противны. Торжество грубой силы заставляло его острее чувствовать свою немощность. Он вздрагивал всем телом от ударов бойцов, рева зверей; улыбка сходила с его губ, тело болезненно напрягалось.

Иностранцы, видевшие нового московского государя, не стесняясь говорили, что он весьма скуден умом или даже вовсе лишен рассудка. А по Руси распространялась молва: Господне благоволение над нами; правит государством благоюродивый самодержец Федор Иванович. *Освященный царь!*

Платон, изгнавший из своего идеального государства поэтов и актеров, советовал его будущим правителям отвечать тем, кто будет спрашивать, почему в их государстве нет трагедии: «Наше государство и есть лучшая трагедия». Россия — государство далеко не идеальное, однако история не раз выбирала ее в качестве гигантских подмостков для своих трагедий. Во время четырнадцатилетнего царствования Федора внешне все, казалось, обстояло благополучно. Иностранцы, помнившие кровавое правление Грозного, дивились теперь, что Московия будто стала другой страной, обрела новое лицо. Каждый человек, писали они, живет мирно, уверенный в своем месте и в том, что ему принадлежит; везде торжествует справедливость. Но история исподволь уже воздвигала декорации для будущей трагедии, умело выбирала актеров на ведущие роли и устраняла второстепенные фигуры.

Первое время после смерти Ивана Васильевича в опекунском совете установилось равновесие сил. Годунов скромно сидел на четвертом месте; первое по старшинству занял Никита Романович, за которого горой стояли москвичи

и братья Щелкаловы, Андрей и Василий Яковлевичи, влиятельные дьяки посольского и разрядного приказов. Двое других опекунов, родовитые и бессильные, осторожно искали союзников в Кремле и за его стенами. Федор Иванович Мстиславский, делавший вид, что доволен и тем, что с ним хотя бы советуются, втихомолку подбивал к возмущению бояр; Иван Петрович Шуйский, имевший вес, как защитник веры и отечества, в среде московского купечества и духовенства, толковал с ними о похищении царских прав безродным татаринцом (Годуновым) и горевал об унижении Рюриковичей.

Но вскоре старого Никиту Романовича разбил паралич. Мстиславский и Шуйский распрямились, стали возвышать голос в совете. Годунов затаился, стараясь угадать, с какой стороны будет нанесен удар. Неожиданную помощь ему оказали дьяки Щелкаловы. Если верить нашим летописцам, Борис и братья дали друг другу «клятву крестоклятвенную», чтобы всем троем согласно искать «к царствию утверждения», то есть преобладания в правительстве. Старший Щелкалов был не прочь, кажется, поучить Бориса уму-разуму: вызвался быть для него «наставником и учителем» в житейской науке, «как перейти ему от низжайших на высокие и от малых на великие и от меньших на большие и одолевать благородных». Дети опричнины сплачивались против родовой знати.

Первым пал Мстиславский. Его обвинили в том, что он хотел убить царского шурина, заманив его к себе на пир. Неизвестно, заходил ли Мстиславский в своих планах свержения Годунова так далеко — все-таки он приходился Борису названным отцом! Может быть, обвинение против него было ложным, полученным хорошо известным в Московской Руси способом. В разрядный приказ вдруг приходило несколько дворовых людей неугодного царю боярина и давали против него показания. Хорошие, ценные показания. Этого было достаточно для опалы. Как бы то ни было, в 1585 году Мстиславского постригли и сослали в Кирилло-Белозерский монастырь. Чтобы расправа не выглядела огульным гонением на знатный род, место Мстиславского в думе сохранили за его сыном Федором Ивановичем.

Затем Годунов и Щелкаловы вспомнили об одной особе, которую ввиду бездетности Федора следовало как можно скорее вырвать из рук воинственного Батория. Поразмыслив,

Борис вызвал к себе Джерома Горсея. Управляющий московской конторы Английской торговой компании по просьбе думы на днях должен был отправиться в Лондон, чтобы объявить королеве Елизавете о воцарении Федора. На вопрос Годунова, не возьмёт ли он на себя еще одно, тайное и чрезвычайно важное поручение, Горсей любезно ответил, что всегда рад услужить лорду-протектору.

В Риге жила женщина, носившая громкий титул королевы Ливонии. Это была Мария Владимировна, одна из двух дочерей князя Владимира Старицкого, брата Ивана Васильевича. После казни князя Старицкого, царь надолго забыл о своей племяннице и вспомнил о ней, когда начал Ливонскую войну. В то время он мечтал создать вассальное Ливонское королевство, возложив его корону на датского принца Магнуса, во что бы то ни стало желавшего поцарствовать, все равно где. Чтобы обеспечить верность принца, Иван Васильевич заставил его жениться на русской княжне. Поскольку Магнус был протестант, царь придумал особую форму бракосочетания: перед алтарем обряд венчания над невестой совершал православный священник; пастор делал свое дело в дверях храма. Таким образом, молодые венчались, стоя врозь друг от друга, зато святыня храма не была осквернена еретиками.

Марии Владимировне едва минуло 13 лет. Вся дальнейшая ее жизнь была чередой лишений и испытаний. Царь обещал Магнусу дать за невестой кучи золота и серебра, но прислал лишь рухлядь и платья. Супруга сразу опостылела принцу. Он переметнулся к Баторию, который также оказался щедр лишь на обещания. Так и не примерив ливонской короны, Магнус умер в то время, когда Ливония, разоряемая со всех сторон, стала добычей Батория. Король назначил Марии Владимировне и ее 9-летней дочери Евдокии скромную пенсию и отослал их в Ригу под надзор кардинала Радзивилла, большого охотника до общества молодых ливонок. Баторий надеялся разыграть эту карту в том случае, если Федор умрет бездетным.

Однажды вечером, когда Мария Владимировна готовила дочь ко сну, расчесывая ей волосы, в ее комнату вошел незнакомый бородач в английском камзоле. Это был Горсей, без труда получивший от Радзивилла разрешение повидать пленницу. Он попросил позволения поговорить с ней

наедине. Мария Владимировна с удивлением ответила, что не знает его, но все же отошла с ним к окну. Горсей под большим секретом сообщил ей, что царь Федор Иванович, узнав, в какой нужде она живет, просит ее вернуться в родную страну и занять там достойное положение в соответствии с ее царским происхождением и что лорд-протектор Борис Федорович Годунов, в свою очередь, также изъявляет свою готовность служить ей. Мария Владимировна выразила опасение, что в Москве с ней поступят так же, как с другими вдовами: разлучат с дочерью и постригут в монастырь.

— Но вы не простая вдова, а кроме того, время изменило этот обычай: теперь те, кто имеет детей, не принуждаются к пострижению, а остаются растить и воспитывать их, — заверил ее Горсей.

Страстное желание обрести свободу заглушило в несчастной ливонской королеве голос благоразумия, она ответила согласием. В тот же день в Москву поскакал гонец, везя в подкладке кафтана письмо Горсея с отчетом о выполнении поручения.

Получив согласие Марии Владимировны на возвращение, Годунов добился от польского сейма ее выдачи. Почтовые лошади, заготовленные на всем пути от Нарвы до Москвы, в считанные дни доставили королеву с дочерью на родину. Годунов принял их, как обещал, с почестями. Наделил вотчинами, деньгами, сулил молодой вдове в скором времени знатного жениха.

Между тем на границах все как-то устроивалось само собой. Немощный Федор благополучно царствовал, его грозные враги умирали. Непобедимый Делагарди утонул в Нарове; обескураженные шведы подписали перемирие на четыре года без всяких условий. А в декабре 1586 года с литовской границы пришло известие еще более поразительное: воеводы писали, что в Польше толкуют о кончине Стефана Батория. В Варшаву отправился дворянин Елизар Ржевский, который должен был, в случае если слух о смерти Батория подтвердится, предложить полякам в короли Федора. Ржевский сообщил в Москву, что Баторий действительно умер и что паны, съехавшись на сейм, как на войну, выбирают нового короля: сторонники Зборовских хотят австрийского принца Максимилиана; гетман Ян Замойский, соратник по-

койного Стефана, прочит на престол шведского принца Сигизмунда, чтобы в союзе со Швецией дальше воевать Москву; третьи, среди которых большинство составляют литовские паны, стоят за Федора, но жалуются, что московский государь пишет к ним *холодно* и не шлет денег, как другие претенденты.

В Польшу срочно выехало другое посольство: Степан Васильевич Годунов, князь Федор Троекуров и дьяк Василий Щелкалов. Послы должны были от имени Федора обещать панам защиту их старых вольностей и дарование новых, раздачу земель и денег, невмешательство царя во внутренние дела Речи Посполитой. В особой статье письменного наказа послам говорилось: «Если паны упомянут о юном брате государевом, то изъяснить им, что он младенец, не может быть у них на престоле и должен воспитываться в своем отечестве». Так от головы Дмитрия заботливо отстраняли и вторую корону, на этот раз польско-литовскую.

Выборы короля происходили в поле, на котором было выставлено три знамени: на австрийском была изображена немецкая шляпа, на шведском — сельдь, на русском — шапка Мономаха. Большинство избирателей собралось под русским знаменем. Соединение Московского государства и Речи Посполитой казалось делом решенным. Но едва дошло до условий договора панов с московским царем, начались раздоры. Федор ни за что не хотел короноваться по католическому обряду и требовал, чтобы в общем гербе нового государства корона Польши была помещена под шапкой Мономаха. «Москвитяне хотят пришить Польшу к своей державе, как рукав к кафтану!» — возмущались поляки.

Польские сторонники московского царя переметнулись к Зборовским и Замойскому. Еще можно было поправить дело денежными раздачами, но оказалось, что московские послы приехали на сейм с пустыми руками! Литовские паны требовали от них 200 тысяч рублей, потом соглашались и на 100 тысяч и, не получив ни рубля, в досаде примкнули к Замойскому. На престол Речи Посполитой сел Сигизмунд III, наследник шведского престола, ярый католик. Худшего для Москвы выбора невозможно было представить. К счастью, польско-шведский союз против России

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru